

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1890.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

Каменописный памятникъ подчиненія Маньчжурами Кореи.

Въ сентябрьской книжкѣ «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society» за минувшій (1889) годъ помѣщенъ весьма удачно исполненный снимокъ маньчжурскаго и монгольскаго текстовъ надписи, снятой въ Корей съ памятника, воздвигнутаго въ честь подчиненія Маньчжурами Дайцинами Кореи. Въ коротенькой замѣткѣ журнала, сопровождающей вышепомянутой снимокъ, не сообщается никакихъ подробностей ни о мѣстонахожденіи этого памятника, ни объ его общемъ объемѣ, ни объ относительной величинѣ надписи; говорится только, что на лицевой сторонѣ памятника имѣется еще китайскій текстъ, который будетъ обнаруженъ въ слѣдующей книжкѣ журнала Общества; что же касается «маньчжурской» надписи, то, издавая снимокъ ея, Общество высказывало лишь надежду, что «кто нибудь изъ знающихъ маньчжурскій языкъ снабдитъ Общество переводомъ этой надписи и замѣчаніямъ на нѣкоторые пункты ея, имѣющіе специальное значеніе».

По первому взгляду на снимокъ было видно уже, что онъ заключаетъ въ себѣ не только маньчжурскую надпись, но также и монгольскій переводъ ея; въ дальнѣйшемъ мы живо заинтересовались этимъ памятникомъ по многимъ обстоятельствамъ. Во первыхъ, исторія подчиненія Маньчжурами Кореи еще доселѣ составляетъ въ Европѣ одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ. Конечно, намъ было извѣстно, что еще съ 1637 года Корея признала свою зависимость отъ Маньчжуровъ; но въ чемъ именно состоятъ обязательства Корейцевъ по отношенію къ Дайцинамъ, въ какихъ случаяхъ

и насколько долженъ имѣть значеніе дайцинскій протекторатъ для Кореи, при какихъ обстоятельствахъ создались и чѣмъ именно вызваны отдѣльныя статьи этого протектората, какъ должны онѣ истолковываться и насколько обязательны для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ? Вотъ вопросы, на которые думали мы найти отвѣты въ текстѣ памятника, хотя такія ожданія и оказались напрасными. По китайскому сочиненію Шэнь-ву-цзи и въ изданныхъ на маньчжурскомъ языкѣ біографіяхъ маньчжурскихъ князей, начальствовавшихъ надъ восьмью знаменами маньчжурскихъ войскъ, намъ удалось отыскать подробнѣйшія свѣдѣнія обо всѣхъ походахъ Маньчжуровъ на Корею, которыя и будутъ напечатаны въ XLIV выпускѣ издаваемого Военно-ученымъ Комитетомъ «Сборника матеріаловъ по Азіи». Не вдаваясь поэтому въ разъясненіе частныхъ маньчжурскихъ походовъ и достигнутыхъ ими результатовъ, мы по отношенію къ памятнику скажемъ только, что надпись его, хотя бы и въ самыхъ короткихъ словахъ, заключаетъ въ себѣ упоминаніе обо всѣхъ выдающихся движеніяхъ Маньчжуровъ на Корею и такимъ образомъ подтверждаетъ для насъ событія, записанныя у частныхъ исторіографовъ династіи Дайциновъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что рассматриваемый памятникъ интересенъ не столько по своему содержанію, сколько по особенностямъ своей редакціи и самому языку надписей. Присутствіе на памятникѣ китайскаго текста показываетъ, что надпись была редактирована, по всегдашнему обычаю Маньчжуровъ, на трехъ языкахъ: китайскомъ, маньчжурскомъ и монгольскомъ; но на ряду съ этимъ здѣсь замѣчается и особенность, по которой каждый изъ этихъ текстовъ пріобрѣтаетъ свой интересъ. Мы видимъ, что по крайней мѣрѣ рассматриваемые нами маньчжурскій и монгольскій тексты, будучи въ общемъ тождественны по своему содержанію, въ то-же время не представляютъ собою вполне дословнаго перевода, какъ это привыкли мы встрѣчать на всѣхъ прочихъ памятникахъ, въ разное время воздвигавшихся Маньчжурами. По мѣстамъ здѣсь замѣчаются довольно значительныя отступленія одного текста отъ другаго и это побудило насъ при переводѣ основнаго маньчжурскаго текста показать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ выдающіяся особенности его монгольскаго перевода. Наконецъ самые тексты надписей уже сами по себѣ являются истинной драгоценностью, представляя собою наиболѣе ранніе образцы изъ имѣющихся у насъ памятниковъ маньчжурской и монгольской письменности. Если мы припомнимъ, что изобрѣтенная Дахаемъ маньчжурская письменность была одобрена высочайшимъ указомъ и введена во всеобщее употребленіе только въ 1632 г., то для насъ будетъ понятно, что настоящій памятникъ изсѣченъ лишь черезъ семь лѣтъ послѣ изобрѣтенія маньчжурскаго письма и

۱۹۳۱ء میں لکھی گئی ایک کتاب "The History of the People of the Punjab" میں لکھی گئی ہے کہ "The Punjab is a land of many races and many religions. It is a land of many languages and many dialects. It is a land of many customs and many traditions. It is a land of many heroes and many legends. It is a land of many wonders and many mysteries. It is a land of many beauties and many charms. It is a land of many joys and many sorrows. It is a land of many hopes and many dreams. It is a land of many loves and many hates. It is a land of many wars and many battles. It is a land of many triumphs and many defeats. It is a land of many glories and many humiliations. It is a land of many triumphs and many defeats. It is a land of many glories and many humiliations. It is a land of many triumphs and many defeats. It is a land of many glories and many humiliations."

великой арміей походило бы на то, какъ порывистый, холодный буранъ¹⁾ срываетъ листья у дерева въ осеннее время, или какъ огненное пламя опаливаетъ мелкія перышки у птицъ. Но премудрый императоръ почелъ необходимымъ не только не наносить смерти, а еще проявить доброту своего духа и потому издалъ высочайшій декретъ съ (такимъ) внушеніемъ: «если ты подчинишься²⁾, я оставлю тебя цѣлымъ; если же не подчинишься, — разорю въ конецъ». Послѣ сего Ингултай мафуга и другіе военачальники, принявъ повелѣніе премудраго императора, переходили туда и сюда съ увѣщаніями и потому нашъ ничтожный повелитель, собравъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, сказалъ: «мновало десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я заключилъ союзъ съ великимъ государствомъ; по моему невѣдѣнію и неразумію небо ускорило послать военныя дѣйствія и десяткіи тысячъ семей испытываютъ страданія. Эти несчастія лежатъ исключительно на моемъ одинокомъ существѣ. Какъ же осмѣлюсь я, не соблюдать вполнотѣ завѣтовъ своихъ высокихъ предковъ, не охранять свой подвластный народъ п безболзненно отвергнуть высочайшее повелѣніе, тѣмъ болѣе что премудрый императоръ не только не можетъ выносить убійства, но еще предлагаетъ увѣщанія?!»³⁾ На эту рѣчь многочисленныя сановники выразили свое одобреніе. Немедленно же, взявъ нѣсколько десятковъ кавалеристовъ, (ванъ) отправился предъ армію и привнесъ извѣщенія⁴⁾. Вслѣдствіе сего премудрый императоръ, выполняя церемоніи, проявляя человеколюбіе, лаская мнлостями и примирясь, сказалъ рѣчь, возбуждающую душевную преданность⁵⁾. Пожалованныя имъ въ награду мнлости достались⁶⁾ рѣшительно всѣмъ изъявившимъ покорность сановникамъ. По окончаніи церемоній (императоръ) немедленно возвратилъ нашего ничтожнаго вана назадъ въ столицу и въ то-же время, собравъ войска, двгавшіяся впередъ, возвратился обратно⁷⁾. Такъ какъ онъ помпловалъ народъ, и возбудилъ въ

1) Когда, истощивъ хлѣбные запасы, находившіеся въ городѣ, пришли въ смятеніе, то чрезвычайныя силы великой арміи могли уподобиться тому, какъ порывистый холодный буранъ . . .

2) Богодоханъ, съ цѣлю какъ прославить свои доблести и мудрость, такъ и дать понятіе о своемъ милосердіи, сказалъ: «если ты поддашься. . . .

3) Эти несчастія произошли отъ одного только меня. Между тѣмъ богодоханъ, милосердуя, соизволилъ преподать наставленія и, давалъ возможность жить по старому, закрѣпляетъ за мною же и мой народъ. Какъ же смѣю я преступить страшное и нарочито важное повелѣніе?

4) Немедленно же, въ сопровожденіи своихъ сановниковъ, (ванъ) прибылъ предъ великую армію, сознавъ свои проступки и, съ поклонами, представилъ свои мольбы.

5) Вслѣдствіе сего богодоханъ милостиво соизволилъ дать ему аудіенцію и сказалъ свою блестящую и истинную рѣчь.

6) достались вану и рѣшительно. . . .

7) Поворотилъ назадъ свои золотыя поводья.

немъ ревность къ земледѣльческимъ занятіямъ, то всё разбѣжавшіеся, жившіе вдали и поблизости, снова пришли и поселились на жительство. Развѣ это не величайшая милость?!

Проступки, которыя послѣдовательно совершало (наше) маленькое государство передъ высокимъ государствомъ, были слѣдующіе. Въ годъ желтоватой овцы, Ду-юань-шу-ай¹⁾, командировавъ Чжань-хунли²⁾, отправилъ его помогать войсками Минскому государству. Послѣ того какъ (войска эти) понесли пораженіе и были захвачены, Тайцзу, величественный императоръ, удержалъ только нѣсколько человекъ, въ родѣ Чжань-хунли, всѣхъ же прочихъ отпустилъ обратно. Какая же милость больше этой?! Тѣмъ не менѣе маленькое государство еще находилось въ духовномъ помраченіи и не хотѣло выразумѣть; поэтому-то, въ годъ красноватаго зайца премудрый императоръ, командировавъ главнокомандующихъ арміями, отправилъ ихъ повоевать восточныя страны³⁾. Тогда повелитель нашего государства и всѣ сановники удалились на морской островокъ и, командировавъ пословъ, просили войти въ мирныя соглашенія. Премудрый императоръ, принявъ представленіе, опредѣлилъ быть государствамъ какъ бы старшему и младшему брату, оставилъ по прежнему наши земли и мѣстности⁴⁾ и сверхъ того возвратилъ еще назадъ Чжань-хунли. Съ этихъ поръ исполненіе церемоніальныхъ отношеній совершалось неослабно и командированіе посольствъ было безостановочное. Но возникли несчастные, легкомысленные замыслы, породилось намѣреніе пропзвести замѣшательства и къ сановникамъ, жившимъ на границѣ маленькаго государства, было отправлено письмо, (полное) непокорныхъ рѣчей⁵⁾. Письмо это захватили вельможи, приходившіе послами. Премудрый императоръ опять такъ, взирая великодушно, не отправилъ тотчасъ же своихъ войскъ, а напередъ исполнилъ свое свѣтлое повелѣніе, назначилъ срокъ выступленія въ походъ и послѣдовательныя, многократныя вразумленія его были вѣще, чѣмъ читалъ бы онъ наставленія, взявши за ухо. Такимъ образомъ сдѣлалось невозможнымъ извинять многочисленныя злоупотребленія верховниковъ маленькаго государства, все еще не признававшихъ радостно свою зависимость. Когда великое войско премудраго императора осадило Нань-хань, то (императоръ)

1) Ду-юаутай.

2) Чжанхули.

3) . . . командировавъ свои войска, приказалъ повоевать.

4) Богдоханъ, соизволивъ выразить согласіе, призналъ (наше) государство младшимъ братомъ, поселилъ (насъ) на нашихъ земляхъ и водахъ и сверхъ того. . . .

5) Но, по своему стремленію къ суетѣ, написали мы, безталанный маленькій народъ, и отправили къ своимъ пограничнымъ сановникамъ письмо. . . .

снова нпспослалъ высочайшее повелѣніе, командировалъ напередъ отрядъ войскъ п, взявъ Цзянгъ-ду, захватилъ въ плѣнъ женъ п дѣтей вана, а равно женъ п дѣтей сановниковъ¹⁾. Послѣ сего однако премудрый императоръ сдѣлалъ строгій наказъ своимъ главнокомандующимъ, чтобы не оскорблять п не беспокоить ихъ, уходя же за ними поручилъ нашимъ чиновникамъ п евнухамъ. Вслѣдствіе доставленія такой высокой милости повелитель п вельможи маленькаго государства, ихъ плѣненные дѣти п жены, всѣ получили возможность жить старымъ порядкомъ. Минуеть иней п снѣгъ, — наступаетъ весна; минуеть безводная засуха, — наступаетъ время дождей; п, подобно этому, (императоръ) вторично возстановилъ то, что приходило къ концу въ маленькомъ государствѣ, вновь продолжилъ существованіе того, что пресѣклось изъ прагдѣдовскихъ установленій. Люди восточной стороны, (составлявшіе населеніе) пространства нѣсколькихъ тысячъ миль, были возрождены, приведены къ совершенству духа, окружены милостями²⁾. По истинѣ, это не бывало извѣстно п въ древнихъ учрежденіяхъ!

Въ вершинахъ рѣки Хань-суй, къ югу отъ урочища Сань-тянь-ду, находится становище, — мѣсто, на которомъ останавливался премудрый императоръ. Нашъ ничтожный повелитель сказалъ цеховымъ мастерамъ³⁾. Подсыпали земли на это становищное мѣсто, сдѣлали его высокимъ п обширнымъ, потомъ привезли камень, поставили памятникъ п, установивъ его навѣки, вырѣзали на немъ надпись, съ цѣлью сдѣлать отличные подвиги п доблести императора равными небу п землѣ. Это не только (послужить причиною того, что) наше маленькое государство будетъ изъ рода въ родъ п во вѣки вѣковъ жить, питая полное довѣріе; но и то, что всѣ, начиная съ самыхъ отдаленныхъ, преклонятся передъ человеколюбивымъ славнымъ п величественнымъ дѣяніемъ великаго государства, получить свое начало отъ сего же⁴⁾. Сколько бы ни описывали величину неба п земли, какъ бы ни изображали красками лучи солнца п луны; но не возможно представить подобія п одной тысячной ихъ доли⁵⁾: но мѣрѣ силъ п въ самой грубой

1) Когда богдоханъ осадилъ своею великою арміею Нань-хань, то командировалъ еще отрядъ войскъ п, взявъ городъ, находившійся на морскомъ островкѣ, захватилъ въ плѣнъ.

2) Устройство народа, жившаго на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ миль восточной стороны, представляетъ собою чрезвычайную милость.

3) Нашъ ничтожный повелитель, имѣя въ виду привести въ должный порядокъ становище, на которомъ останавливался богдоханъ (п которое находится) въ вершинахъ р. Хань-суй, къ югу отъ урочища Сань-тянь-ду, далъ порученіе мастерамъ. . .

4) Мы, маленький народъ, изъ вѣка въ вѣкъ относимся съ довѣріемъ п надеждами, а то, что всѣ, близкіе п дальніе, должны будутъ покориться предъ величайшею силою п чрезвычайною славою великаго народа, какъ выразить?!

5) . . . но гдѣ дойти до равенства?!

формѣ сдѣлана и настоящая отмѣтка. Подобно тому какъ небо, испосылая пней и росу, можетъ дѣлать безжизненнымъ и можетъ возбуждать къ жизни; и премудрый императоръ можетъ проявлять совмѣстно и ужащающее величіе и доброту¹⁾. Шумъ отъ движенія стотысячной арміи, при посредствѣ которой премудрый императоръ повоёвывалъ восточную страну, былъ похожъ на (шумъ) стаи тигровъ, или звѣрей пи²⁾. Величественная отвага, съ которою западные и сѣверныя владѣнія³⁾, взявши оружіе, состязались о возможности быть впереди, была поразительно страшною! Премудрый императоръ проявлялъ въ высшей степени доброту своего духа: высочайшій указъ, который онъ испослалъ, грамота, которую онъ издалъ въ десяти строкахъ, были величественны и милолюбивы. По началу, вслѣдствіе помраченія умомъ и непониманія, навлекли мы на себя страданія; когда же получилось свѣтлое повелѣніе премудраго государя, мы какъ бы только что пробудились отъ сна. То, что ванъ нашъ изъявилъ покорность, не произошло исключительно по страху передъ силою, но являлось прекло-неніемъ предъ чрезвычайными нравственными совершенствами⁴⁾. Премудрый императоръ, проявляя челоуѣколюбіе и соизволяя на милости, съ добродушнымъ лицомъ и улыбкою собралъ оружіе и наградилъ его прекрасною лошадейю и легкою дахою. Поэтому столпные мужичины и женщины радостно распѣвали такъ: «Возвращеніе нашего вана есть пожалованіе премудраго императора». Премудрый императоръ, желая дать мирную жизнь нашему народу, приказалъ возвратиться своимъ войскамъ. Милосердія нашихъ обезпokoенныхъ и разбѣжавшихся, онъ выразилъ поощреніе къ нашимъ занятіямъ земледѣліемъ. То, что приходившее къ гибели государство стало жить по старому, явилось причиною этого новаго жертвенника. На высохшихъ костяхъ снова выросло мясо; корни перезимовавшихъ травъ какъ бы опять увидали весну⁵⁾. — Благодеиствіе Санъ-хань'ской мѣстности, по постановкѣ высокаго и большаго камня на берегу большой рѣки,

1) Подобно тому какъ цвѣтокъ, выросшій лѣтомъ, увядаетъ при холодномъ инѣѣ (падающемъ) съ неба и снова возрастаетъ при лѣтнемъ теплѣ, и богдоханъ можетъ . . .

2) То, что богдоханъ своею стотысячною арміею повоёвывалъ Корейское государство, прозвучало повсюду какъ тигръ, какъ дикій звѣрь пи.

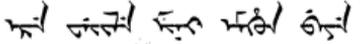
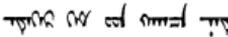
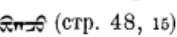
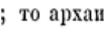
3) . . . съ которою великое войско,

4) Причина, по которой нашъ ванъ принялъ подданство, помимо страха предъ чрезвычайною силою, заключалась, кажется, въ сочувствіи нравственнымъ совершенствамъ.

5) Причина, по которой богдоханъ, взявши свои войска, отступилъ назадъ, заключается въ милостивомъ желаніи успокоить нашъ разбѣжавшійся народъ; когда же побудилъ онъ къ работамъ о сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ и далъ возможность, чтобы пришедшій къ гибели народъ нынѣ снова сталъ жить по старому, то это стало подобнымъ тому, какъ бы на высохшихъ костяхъ выросло мясо и перезимовавшіе корни снова увидали весеннее время.

въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ, обусловливается добродѣтелями премудраго императора.

²¹ Воздвигнутъ 8-го числа послѣдней зимней луны, 4-го года правленія **Вѣжихунь эрдэмунгэ**.

Указанныя при переводѣ отличія монгольскаго текста отъ маньчжурскаго могутъ дать читателю довольно ясное представленіе о томъ, насколько эти тексты разнятся другъ отъ друга; но мы были бы неполны, если бы не прибавили еще нѣсколько замѣтокъ объ этомъ различіи, которыя легко ускользаютъ при чтеніи перевода и ярко бросаются въ глаза при непосредственномъ знакомствѣ съ подлинниками. Прежде всего маньчжурскій текстъ памятникка является гораздо лучше отдѣланнымъ въ сравненіи съ монгольскимъ, какъ въ отношеніи стилистическомъ, такъ и по самому изданію. Красною чертою проходитъ, напримѣръ, черезъ весь маньчжурскій текстъ памятникка та характеристичная особенность самаго изящнаго маньчжурскаго слога, по которой Маньчжуры не употребляютъ въ своей рѣчи мѣстоименныхъ формъ, но замѣняютъ эти формы въ отношеніи перваго лица выраженіями скромности и униженія, а въ отношеніи втораго лица особыми словами громкихъ титуловъ. По этому правилу, Корейцы не говорятъ о себѣ въ текстѣ памятникка «мы», но замѣняютъ это слово выраженіемъ: «маленькое государство»; о личности корейскаго короля также не говорится другаго слова, да и самъ онъ не называетъ себя иначе, какъ «ситахунь эчжанъ», или «ситахунь ванъ», — «ничтожный, бѣдный правитель», употребляя, слѣдовательно, то выраженіе, которое примѣняли къ себѣ древніе удѣльные князья при сношеніяхъ съ Китаемъ. На оборотъ, въ монгольскомъ текстѣ такого рода деликатности соблюдаются далеко не всегда; фраза:  (стр. 40, 8) передается на монгольскомъ  (стр. 46, 4) и др. Такія разности несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что литературному языку Монголовъ, въ пору постановки памятникка, еще въ значительной степени были чужды тѣ условныя формы, которыя привзошли въ него впослѣдствіи, при маньчжурскомъ влияніи, и составляютъ теперь его достояніе также точно, какъ и языка Маньчжуровъ. Вообще монгольскій текстъ въ литературномъ отношеніи изложенъ крайне неудовлетворительно и не ровно: въ немъ постоянно встрѣчаются то новыя, чисто народныя слова и обороты рѣчи въ родѣ  (стр. 46, 17),  (стр. 48, 16),  (стр. 48, 12), приобретающіе себѣ мѣсто только въ современной литературѣ; то архаизмы въ родѣ  (стр. 47, 11),

